

O. V. Соколов

**ВЫСШИЕ ОФИЦЕРЫ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ
И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО 1792—1794 ГГ.**

В последнее время проблемы истории и организации армии в период Великой французской революции привлекают все большее внимание зарубежных и прежде всего французских исследователей. Однако эта тема остается весьма малоизученной. «...Кроме рассказа о битвах и перечислений частей, желательно получить, наконец, анализ военного социума, а именно: процесс складывания корпоративного духа, эволюцию иерархических взаимоотношений, материальное положение командных кадров... Эти сюжеты, без сомнения, помогли бы осветить общую историю термидорианского Конвента и Директории»,¹ — отмечает Дени Вороноф в своем исследовании, посвященном истории Французской Республики от Термидора до Брюмера. То же самое можно сказать и по поводу предшествующего периода.

Работы Ж. П. Берто,² С. Скотта,³ а также более ранние

¹ Вороноф Д. *La république Bourgeoise de Thermidor à Brumaire*. Paris, 1972. Р. 8.

² Берто Ж. Р. 1) *La révolution armée*. Paris, 1979; 2) *Vauzy, la démocratie en armes*. Paris, 1973.

³ Scott S. *The response of the royal army to the French revolution*. Oxford, 1978.

труды Ж. Сиса⁴ и ряда других исследователей ответили на ряд важных вопросов этой темы. Но до сих пор мало изучена проблема высших командных кадров (взятых в целом), хотя биографии многих военных деятелей разработаны довольно подробно.

В советской историографии эти темы практически еще не затронуты, за исключением коротких разделов в общесторонних трудах и нескольких работах (см., напр.: Дживелегов А. К. Революционная армия и ее вожди. М., 1923). Мы попытаемся на основе рассмотрения работ современных французских историков, а также используя данные справочных публикаций (таких, как биографический словарь Ж. Сиса по генералам и адмиралам Революции и Империи),⁵ осветить в известной степени этот вопрос.

К концу 1793 г., благодаря решительным мерам Конвента, численность французской армии, защищавшей молодую республику от интервенции феодальных держав, возросла до огромной цифры (почти миллион человек), что создало условия для поворота в ходе войны. Однако вследствие резкого увеличения численности войск остро встала проблема командных кадров и в особенности высших. Если необходимо было количество младших офицеров могло быть получено за счет произволства унтер-офицеров, выходцев из народа, то с генералитетом и штабами дело обстояло сложнее.

Генералы старой армии все более открыто переходили на сторону реакции. 1 апреля 1793 г. главнокомандующий Северной армией генерал Дюмурье арестовал комиссаров Конвента Камю, Кинетта, Ламарка и Банкаля вместе с военным министром Бернонвиллем, посланных в его ставку, и вечером того же дня выдал их врагу. Затем он безуспешно пытался поднять своих солдат против Республики, но, убедившись в тщетности этих попыток, бежал к австрийцам в сопровождении принца Шартонского, герцога Монпансье и нескольких офицеров.

Эта измена послужила поводом к существенным изменениям в кадровой политике комитета общественного спасения. Если дворяне, не исключая наиболее знатных, по-разному восприняли революцию вначале и подчас активно поддерживали происходившие социально-политические перемены, то с углублением революционного процесса вследствие радикальных мероприятий, проводимых якобинцами, высшие слои дворянства вольно или невольно оказались в лагере контрреволюции. А именно к этим слоям и принадлежали почти все из 1142 высших офицеров, состоявших на действительной службе накануне революции.

Из 11 маркизов один был принцем, пятеро герцогами, чет-

⁴ Six G. *Les généraux de la révolution et de l'Empire*. Paris, 1947.

⁵ Six G. *Dictionnaire biographique des généraux et des amiraux de la révolution et de l'Empire*. Paris, 1934.

веро маркизами и один графом. Из 196 генерал-лейтенантов только 9 были нетитулованными дворянами, остальные — герцоги, маркизы, графы. Наконец, даже не входившие в число высших офицеров 109 полковников были практически все из родовитого дворянства — 9 принцев, 5 герцогов, 25 маркизов, 12 виконтов, 7 баронов и только 6 нетитулованных дворян.⁶ И это вполне понятно. Не только обычай и традиции феодального общества вставали на пути ротюре к генеральским эполетам, но и прямые запреты правительства. В эдикте от 1760 г. указывалось, что только дворянство, представление ко двору, имеет право получать звание полковника,⁷ а королевский ордонанс от 22 мая 1781 г., хотя и не полностью закрывал ротюре дорогу к офицерскому званию (это убедительно показал в своей статье Жорж Сис),⁸ тем не менее очень сильно затруднял продвижение по службе тем, кто не мог доказать «четверть дворянства».

Не случайно поэтому высшее офицерство стало одним из главных омолов реакции и контрреволюции. Преобладающее большинство генералов эмигрировало, другие ушли в отставку, третья оставались на своих постах, но в любую минуту готовы были пойти на сделку с врагом.

«Без сомнения, среди бывших дворян могут встретиться настоящие санкюлоты, но речь идет не о личностях, надо полностью очистить армию... если мы хотим избежать измены, нужно полностью отстранить от армии привилегированную касту», — провозглашал Дюэм в сентябре 1793 г. с трибуны Конвента.⁹

Выбирая между «изменой и незнанием»,¹⁰ якобинское правительство не колебалось. На все самые высшие посты решительно выдвигались талантливые люди, хотя подчас и не имеющие большого боевого опыта. Буквально за один-два года командование французской армии неизменно пересенилось.

Если еще в начале 1793 г. (когда старая армия, хотя уже и сильно изменившаяся, продолжала существовать) только 14 из находившихся тогда на службе 195 генералов¹¹ начали свой послужной список со звания рядового или унтер-офицера, то к концу года их уже было десятки, а в конечном итоге за все время революционных войн их число достигнет 171.¹²

⁶ Duguy. *L'Armée royale en 1789*. Paris, 1888; Roussel. *Etat militaire de France pour l'année 1787*. Paris, 1787.

⁷ Bertrand J. P. *La révolution armée*. P. 40.

⁸ Six G. Fallait-il quatre quartiers de noblesse pour être officier à la fin de l'Ancien régime // *Revue d'histoire moderne*. 1929. P. 47—56.

⁹ Lefeverrier J. *La naissance de l'armée nationale 1789—1794*. Paris, 1939. P. 151.

¹⁰ Ibid. P. 152.

¹¹ Scott S. *The response of the royal army to the French revolution*. P. 200.

¹² Six G. *Les généraux...* P. 321.

Социальный состав нового командного состава стал совершенно иным. Если 20 апреля 1792 г. на службе оставалось 135 генералов и только 18 из них не являлись представителями бывшего привилегированного сословия, то уже в январе 1793 г. — 139 дворян и 63 роторье. Наконец, после якобинской чистки армии к 1 января 1794 г. в армии на высших командных постах осталось 62 дворянина и 275 выходцев из третьего сословия.¹³

Отмечая резкое изменение социального состава высшего офицерства, необходимо все-таки отметить, что дворяне не только не исчезли полностью из штабов, но и продолжали играть там немаловажную роль. Несмотря на яростную кампанию, которую повели «бешеные» против пребывания дворян в армии, на то, что 5 апреля 1793 г. Конвент декретировал, что генералы и офицеры штаба могли производиться только те, кто не принадлежал к «бывшим»,¹⁴ республикансское правительство не могло совсем отказаться от помощи военных специалистов старой армии. Это понимал, в частности, и военный министр Бушот, который не пошел в данном вопросе на поводу у парижских санкюлотов (последние были весьма настойчивы). 31 мая 1793 г. Парижская коммуна представила Конвенту петицию: «Мы требуем отставки всех офицеров-дворян, занимавших высшие командные посты в армиях республики».¹⁵ На ночном заседании Коммуны со 2 на 3 июня по требованию Шометта Генеральный совет провозгласил, что «никакой гражданин из бывших или непри赖以 священников не имеют права исполнять обязанности офицера или гражданского чиновника».¹⁶

«Никаких дворян, никаких дворян! Дворянне нас губят!»¹⁷ — заявляя в это же время Эбер.

Тем не менее 5 июня Конвент все же принял постановление, согласно которому «будет несправедливо исключать из администрации священников, которые женились, и дворян, которые своей революционной деятельностью хорошо послужили отечеству».

Именно поэтому, как уже отмечалось, на службе в 1794 г. оставалось более 60 генералов из дворян. Среди них и знаменитый Клермерэн (из дворянства мантии), и будущие маршалы Империи — Груши, Пернион, Серюрье, Макдональд¹⁸ и сам Бонапарт, произведенный в бригадные генералы в 1793 г. пред-

ставителями Конвента Робеспьером-младшим и Саличетти и подтвержденный в своем звании 6 февраля 1794 г.¹⁹

Однако республиканское правительство, сохранив представителей «бывших» на командных постах, бдительно контролировало их действия, порой даже чрезмерно. Поэтому Бонапарт, например, предпочел скрыть свою принадлежность к привилегированному сословию и в ответе на анкету, предложенную ему 19 января 1794 г., в графе происхождение написал — «не дворянин».²⁰ Серюрье, будучи сначала произведен в волковники, был отстранен от службы как аристократ, но, обратившись с просьбой взять его в армию просто как рядового grenadiera (ему было 50 лет), заслужил уважение представителей народа и вскоре в 1793 г. был назначен бригадным генералом.²¹ Дворянин Этьен-Жак Макдональд, которому в этом же году было двадцать восемь лет, был внезапно произведен в бригадные генералы. «Это был удар грома, — пишет он, — хотя я уже в течение нескольких месяцев исполнял обязанности генерала, но, по крайней мере на мне не лежала ответственность звания. Я напрасно доказывал, что я молод, неопытен — ничего не хотели слушать. Нужно было подчиняться своей судьбе, чтобы не быть объявлением подозрительным и арестованным».²²

Когда же пришли из Парижа указания о серьезной чистке штабов, молодой офицер сам попросился в отставку, но «мою службу и мое поведение похвалили, — рассказывает Макдональд, — главнокомандующий попросил у комиссаров оставить меня... Они пригласили меня к себе и там объявили, что в силу их полномочий они обязывают меня служить. Я ответил, что это хорошо, но что пусть они письменно подтвердят, что если я потерплю где-нибудь поражение, меня не осудят за измену... Они отказались... Тогда я заявил, что покидаю армию. Если ты покинешь армию, мы арестуем тебя и будем судить. Нужно было подчиняться и оставаться, несмотря на опасность. Только успехи могли меня защитить и спасти».²³

Беспокойство молодого генерала вполне можно понять, если обратиться к цифрам. Молот республиканского правосудия бил по штабам со всей жестокостью. Немало представителей народа действовали, подобно Милью, который гордился тем, что «без страха брался за густую золотую бахрому».²⁴ (Милью в будущем станет наполеоновским генералом, знаменитым командиром тяжелой кавалерии.)

В результате, если за 30 лет старого порядка (с 1759—1789 г.) было только 11 случаев разжалования генералов, а от-

¹³ Ibid. P. 25.

¹⁴ Hergaut. La république des états-majors et des cadres de l'armée pendant la Révolution // Annales Historique de la Révolution Française. 1937. N 87. P. 388.

¹⁵ Ibid. P. 390.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Hergaut. La république des états-majors... P. 394.

¹⁸ Chardigny L. Les maréchaux de Napoléon. Paris, 1977.

¹⁹ Tulard J. Napoléon. Paris, 1977. P. 83.

²⁰ Castelot A. Bonaparte. Paris, 1983. P. 132.

²¹ Chardigny L. Les maréchaux... P. 45.

²² Macdonald. Souvenirs. Paris. S. a. P. 28.

²³ Ibid. P. 34—35.

²⁴ Chauvet A. Dugommier. Paris, 1904. P. 152.

стражение же (*suspension*) вообще не применялось, то только за 1793 г. было разжаловано 59 генералов и отстранено 275, за 1794 г. — соответственно 54 и 77.²⁶

Всего же за время республиканского правления 1792—1799 гг. было отстранено от должности 420 генералов и разжаловано 167. Причем особенно выделяется вторая половина 1793 г. (только за эти 6 месяцев было осуществлено 230 отстранений от должности, десятки разжалований).²⁷

Отстранение или разжалование в значительном количестве случаев означало и арест (за 1793 г. было арестовано 198, а за 1794 г. — 75 генералов). Затем, как естественно продолжение, следовал суд. В 1793 г. был предан суду 31 генерал, а в 1794 г. — 63, причем из них осужден был 61. Большая часть осужденных была приговорена к смертной казни (за период революционного террора было казнено 54 генерала).²⁸

Отстранения, разжалования, производства, аресты, суды, снова производства следовали с головокружительной быстротой. Вот только несколько генералов, пожалуй, из самой знаменитой армии республики Сambre-Маасской.

Журдан Жан-Батист — подполковник волонтеров в 1791 г., дивизионный генерал в 1793 г., разжалован в январе 1794 г., восстановлен 10 марта... главнокомандующий Сambre-Маасской армией в том же году, победитель при Флерюсе.²⁹

Клебер Жан-Батист — гренадер национальной гвардии Бельфора в 1789 г., капитан волонтеров в 1792 г., в том же году произведен представителями народа Ребелем и Мерленом в чин полковника штаба; арестован и вызван в суд в Конвент 29 июня 1793 г., оправдан 17 августа того же года, бригадный генерал, а ровно через два месяца 17 октября произведен на поле боя в дивизионные генералы... через 40 дней разжалован, но... оставлен при исполнении своих обязанностей комиссаром Карпье.

Монтею Анн-Шарль Бассе — дворянин, был офицером королевской армии (в отставке с 1788 г.), в 1789 г. записался в солдаты в национальную гвардию, в 1792 г. подполковник, в 1793 г. бригадный генерал, в 1794 г. дивизионный генерал, разжалован 5 августа вследствие доноса, восстановлен 11 октября 1794 г.

Лекурб Клод-Жак — солдат королевской армии, капитан национальной гвардии в 1789 г., командир батальона волонтеров в 1791 г., сражался в Вандее, ранен, но раз отличился. 7 декабря 1793 г. арестован по доносу четырех офицеров, обви-

нен в том, что он «умеренный», оправдан 13 апреля 1794 г., 2 мая того же года — генерал.³⁰

Эти удивительные, причудливые судьбы не исключение. Из 36 генералов, командовавших соединениями Сambre-Маасской армии, 19 подвергались аресту или были разжалованы, отстранялись от исполнения обязанностей либо увольнялись со службы (нередко и то и другое вместе), а иногда и не один раз.

Внезапные падения чередовались со стремительными взлетами. В течение 1793—1794 гг. зафиксировано 43 случая производства в генералы сразу из... лейтенантов или капитанов.³¹

В результате такой сильной встряски командных кадров произошел коренной переворот в социальном составе высших офицеров. Как уже отмечалось, доля дворян среди них упала к январю 1794 г. до 22%.

Кто же составлял оставшиеся 78%? На этот вопрос ответить не так просто, как кажется. Несмотря на то, что известны в той или иной степени биографии практически всех генералов эпохи революции, далеко не всегда данные позволяют установить (даже приблизительно) социальное положение семьи, из которой происходит рассматриваемый персонаж.

Из 1139 генералов Революции и Империи, профессии родителей которых удалось установить, Жорж Сис выделил следующие группы: военные — 167; чиновники — 230; коммерсанты, фабриканты — 279; буржуа и собственники (?) — 92; юристы — 115; свободные профессии — 79; ремесленники, рабочие, слуги — 87.³²

Несмотря на размытость и некоторую неопределенность данных категорий, ясно, что подавляющее большинство высших офицеров 1792—1814 гг. принадлежали к буржуазным слоям, среди которых трудно отдать предпочтение мелкой, средней или крупной буржуазии.

Оценка социального происхождения одновременно для генералов эпохи Революции и Империи, на наш взгляд, вполне допустима. Подавляющее большинство наполеоновских командиров корпусов, дивизий, бригад либо уже были генералами в революционную эпоху, либо находились в весьма солидных офицерских чинах, таких, как полковник или командир батальона (революция отменила звания майора и полковника, командиры батальонов отныне имели звание, которое по своему наименованию точно соответствовало исполняемой функции — *chef de bataillon*), социальный состав которых в эту эпоху мало отличался от такового высших командных кадров.

²⁶ Six G. Les généraux... P. 203, 215.

²⁷ Ibid. P. 204.

²⁸ Ibid. P. 229.

²⁹ Chardigny L. Les maréchaux de Napoléon. P. 457.

³⁰ Six G. Dictionnaire biographique...

³¹ Six G. Les généraux... P. 115.

³² Ibid. P. 320.

На основе данных Сиса, Шардиньи, Шюке³² мы проанализировали социальное происхождение высших офицеров, уже упоминавшейся Сambre-Маасской армии, служивших в ее рядах в июне 1794 г., т. е. во время коренного поворота в ходе войны в пользу Республики и знаменитой победы под Флерюсом (26 июня).

Из 36 генералов только трое — выходцы из дворянских семей, это Агри, де Монтею и д'Опуль; один (Буассе) — сын финансиста, один (Лекурб) — сын офицера недворянин; восемь — из мелкобуржуазной среды, двое — Дюбуа и Мишлер — сыновья ремесленников; что же касается остальных восемнадцати (о происхождении еще одного генерала — Бонне, нет сведений), известно только, что они в раннем возрасте поступили солдатами в королевскую армию, причем практически все служили в течение многих лет (Фюзье записался солдатом в 1776 г., стал сержантом в 1780 г. и только через 10 лет получил звание *adjutant* (старший унтер-офицерский чин); Ришар служил солдатом и унтер-офицером в течение почти 30 лет — с 1759 по 1789 г.; Ионсе — 13 лет и т. д.). Таким образом, это, без сомнения, выходцы из мелкобуржуазных семей, семей ремесленников, не исключено, что и из семей крестьян и рабочих. Хотя, разумеется, было бы математически некорректно обобщать результаты этого приблизительного анализа во всех его чюансах на армию в целом, тем не менее общая качественная оценка несомненна — якобинская диктатура активно способствовала передаче командования армией в руки представителей мелкой и средней буржуазии.

Большую роль в этом сыграл уже упоминавшийся военный министр полковник Бушотт, выражавший волю якобинцев в области кадровой политики. Примыкая к левому крылу якобинизма, Бушотт тем не менее отклонял требования Эбера о поголовном исключении дворян из армии и прохладно относился к солдатским петициям, в которых, как, например, в письме канонирам армии Пиренеев, требовалось, чтобы были отстранены все генералы и заменены добрыми патриотами, «такими, как наш капитан».³³

Однако Бушотт был неумолим в отношении всех подозрительных, отправляя на суд революционного трибунала не подчинявшихся или недостаточно преданных. Бушотт смело, а подчас слишком смело выдвигал людей на посты. Отношение старых военных, искренне вставших на сторону Революции, к этим порой малообъяснимым чинопроизводствам ярко отражает письмо генерала Крига, коменданта Мена, к военному министру: «До тех пор пока я буду видеть во главе войск людей, ко-

торые всю жизнь занимались лишь ремеслом или коммерцией, или мелочной торговлей, я буду оплакивать судьбу армий Республики... Ваш метод чинопроизводства, гражданин министр, не может быть таким, если Республика должна существовать. Сердце у меня обливается кровью, когда я вижу старых пьяниц, непригодных, наделенных всеми недостатками, которые вышли из кабаков, из грязи, из всех социальных пороков и поднялись до командиров, начиная от роты, кончая армией. Как вы надеетесь, что солдат будет иметь доверие к командирам этого типа, если в течение 30—40 лет им не осмеливались доверять артельную кассу четырех рядовых?»³⁴

Бушотт отвечал, что он вынужден брать людей, у которых «изначально кажется нет больших достоинств, но которые со временем их раскрывают и, наконец, которые имеют самое главное — желание действовать».³⁵

Опасения Крига не были безосновательными, и благодаря Бушотту среди генералов оказались такие, как Сюзамик, который, прибыв 14 лет унтер-офицером, ушел в отставку, но затем вернулся в строй батальона волонтеров, был избран капитаном, а затем 4 октября 1793 г. стал командиром батальона. На следующий день Бушотт внезапно сделал его бригадным генералом, несмотря на протесты представителей народа. Как раз в этот момент Сюзамик попросил отставки, так как почти ослеп и был неграмотным. Тем не менее он все-таки был произведен в генералы... чтобы через два месяца быть разжалованым за неспособность.³⁶

Ну и совсем уже комичный случай с другой креатурой Бушотта — генералом Анри Латуром, который был арестован Гондем за то, что, «прибыв к армии Запада, нарушил линию аванпостов, пил и пел с гренадерами... заснул вместе с мясниками армии».³⁷

Однако не Сюзамик и Латур представляли типичный облик вождя республиканской армии. Наряду с досадными просчетами в период якобинской диктатуры выдвинулась целая плеяда талантливейших полководцев, столь многочисленная, что, пожалуй, трудно найти другую армию, где в течение нескольких лет перебывало бы столько блестящих ларований на командных постах. Это знаменитые Гон, Марсо, Дезе, Клебер, Дюгомье, Бонапарт, Массена, Лекурб, Моро, Жубер и многие другие. В большинстве своем эти звезды первой величины полководческого искусства были молоды. Они опирались на прочную фалангу генералов солидного возраста, имевших огромный военный опыт и вышедших с низших командных должностей, из среды тех, кто, несмотря на всю свою безупречную и пре-

³² Ibid. P. 396.

³³ Ibid. P. 397.

³⁴ Ibid. P. 109.

³⁵ Ibid. P. 179.

данную службу, едва ли мог при королевском режиме мечтать о более высоком командном посте, чем командир роты гренадер.

Уже в начале 1793 г. 80% генералов имели в своем послужном списке не менее 25 лет службы, и только 4% служили не более 15 лет.³⁸

К этим испытанным командным кадрам, порой, возможно, не столь ярко вошедшими в летопись побед республики, относятся Монсей, Периньон, Серюре, Дагобер, Любуа, Бейран, Косс, Шарас, Фузье, Ля Барр, Соре и сотни других.

Практика — лучший критерий истинности теоретической концепции, и насколько правильна и эффективна была политика республиканского правительства в годы якобинской диктатуры в области формирования командных кадров, показали боевые действия. Победы при Хондскооте, Ваттини, Монтань-Нуар, Гайсберге, Флерюсе, Альденховене, Туркуэне и более чем в сотне других боев и сражений, взятие 106 крепостей и городов, продвижение вперед на всех фронтах, раскол вражеской коалиции — и все это лишь за 17 месяцев. Подобные успехи, хотя и были одержаны благодаря целому ряду факторов, были бы немыслимы без прекрасных высших командных кадров.

Будущий маршал Империи Сульт (бригадный генерал в конце 1794 г.) так описывал своих начальников и товарищей по оружию этого периода: «...служба была единственным занятием, единственным предметом соревнования. Во всех чинах тот же порыв, то же желание идти далее того, что предписывает долг; если один отличался, то другой старался превзойти его своей храбростью, своими талантами, своими делами; посредственность нигде не находила поддержки. В штабах — бесконечная работа, охватывавшая все области службы, и тем не менее считалось, что ее недостаточно, мы желали принять участие во всем, что происходит. Я могу сказать, что это период моей службы, когда я более всего работал и когда начальники казались мне более всего требовательными».³⁹

Эти генералы дрались «с той настойчивостью, которая считает, что ничего не сделано, пока что-нибудь остается сделать, с тем самоутверждением, которому одна смерть полагает предел... Они давали каждое сражение как если бы оно было решительное, они делали каждое усилие так, как будто оно было последнее», — так о республиканских полководцах отзывался их враг — эмигрант, автор небольшой книги «Замечания о французской армии последнего времени с 1792 по 1808 г.».⁴⁰

Когда шуля тирольского стрелка сразят под Алтенкирхеном генерала Марсо, одного из самых замечательных вождей рес-

публиканской армии, лучшие австрийские военачальники и среди них знаменитый эрцгерцог Карл прибудут, чтобы отдать последние почести телу молодого французского полководца, а гусары Барко и Бланкенштайн будут спорить, кому принадлежит часть эскортировать останки Марсо до французских позиций (поле боя, где был смертельно ранен Марсо, осталось за противником). И эта оценка неприятелем мужества, талантов в благородства генералов революции лишь один пример того, как высок был их престиж.

Высшие командные кадры были созданы в короткое время и в тяжелейшей обстановке, поэтому неизбежны были перегибы и ошибки. Несмотря на все, в течение 1792—1794 гг. штабы армий почти полностью обновились. Французский королевский генералитет, генералитет феодальной армии, сменился новыми буржуазными командными кадрами, социальный состав которых, система иерархических взаимоотношений, ментальность были совершенно иными. Эти резкие изменения в облике генералитета соответствовали общей перестройке армии в целом, которая была не менее радикальна и наиболее решительно осуществлялась в годы якобинской диктатуры. Таким образом, представляется возможным говорить о том, что изменения в военной системе Франции в эту эпоху являются проекцией тех общих структурных изменений в социальной трансформации, которые происходили в этот период в обществе в целом и одновременно являются еще одним подтверждением концепции Великой французской революции, которую марксистская историография выработала в борьбе с современным историческим ревизионизмом.

Ю. В. Куркина

ВАРЕННСКИЙ КРИЗИС И ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

(по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)

Коллекция печатных изданий эпохи Французской буржуазной революции конца XVIII в., хранящаяся в библиотеке ЛОИИ СССР, представляет собой часть богатейшей книжной коллекции князей Воронцовых, основание которой было положено в середине XVIII в. В годы Великой французской революции она была значительно пополнена С. Р. Вороновым, бывшим в то время послом в Лондоне и скупающим выходившие во Франции издания. Позднее собрание попало к Н. П. Лихачеву, который передал его в Академию наук СССР.

Часть коллекции, находящаяся в библиотеке ЛОИИ, насчитывает около 4 тыс. экземпляров и примерно такое же число

³⁸ Scott S. The response of the royal army... P. 202.

³⁹ Sottili L. N. Mémoires. Paris, 1854. T. I. P. 198—199.

⁴⁰ Записка о французской армии последнего времени с 1792 по 1808 г. СПб, 1808. С. 8.